

Дрова для костра были тщательно подобраны и сложены аккуратно, даже красиво. Древесину взяли свежую, чтобы зрелище продлилось подольше.

На площади собралось множество людей, у всех были торжественные лица.

К костру поднесли факел.

Для меня и еще нескольких гостей расставили тесным рядом потертые кресла, обитые красным бархатом. Я сидел в центре.

Факел положили на землю, на подстилку из соломы, и она тотчас загорелась.

Раздались вскрики.

Десятки людей прильнули к камерам и фотоап-

паратам и начали снимать, переходя с места на место и меняя ракурс.

Послышалось слабое потрескивание, и поленья в основании сооружения охватило огнем.

Некоторые зрители пришли целыми семьями. Дети перестали вертеться и, вытаращив глаза и разинув рты, смотрели, как зарождается и растет пламя.

Амандина придвинулась ко мне, я почувствовал, как ее плечо коснулось моей руки. Она положила ладонь мне на спину и стала ее энергично поглаживать, как будто хотела меня согреть.

Огонь внезапно загудел сильнее, и легкий ветерок начал сносить струи дыма по направлению к острову Сен-Луи.

Вспыхнуло длинное одеяние, усыпанное по подолу золотистой листвой. Языки пламени стали лизать и закручивать края ткани. Сверху на все это смотрело бесстрастное восковое лицо с поддерживающей челюстью деревянной планкой. А в вышине к небу простиралась вытянутая рука.

Ветер улегся, дым поднимался теперь ровными столбами, скрывая всю фигуру, кроме воздетой кверху

ИТАЛЬЯНСКАЯ ПАРТИЯ

руки. За плотной завесой внезапно полыхнуло с новой силой. Видимо, занялось одеяние.

Мое сердце забилося сильнее.

Хотя тем октябрьским утром было довольно холодно, я почувствовал, как лоб и ладони у меня покрываются потом.

Вскоре перед нами сплошной стеной стояло пламя, согревавшее нас своим жаром.

В самой его середине смутно, на короткое время, возникал темный силуэт с уже размытыми очертаниями.

I

Фигуры на тонко инкрустированной шахматной доске отбрасывали изящные тени. Усевшийся напротив меня мужчина, небрежно скользя пальцем по полю, обвел контуры двух или трех из них. Потом бросил на меня взгляд и двинул пешку на е4.

Над Кампо-деи-Фьори только что поднялось солнце, окрасив крыши в ярко-красный цвет. Оно в один миг окутало площадь весенними колдовскими чарами словно волшебной пылью.

Стояла прекрасная погода.

Неподалеку уличные торговцы, укрывшись под зонтами, громко расхваливали товар, привлекая прохожих, или просто перебрасывались шутками.

Я расположился с шахматной доской за столиком на террасе ресторана “Вирджилио”, заручившись согласием хозяина, низенького пухлого человечка с черными напымаженными волосами, который после недолгого колебания счел эту идею забавной. От меня лишь требовалось освободить место в случае наплыва посетителей, только и всего.

В кармане завибрировал телефон. Это была Амандина, наверное, хотела узнать, как у меня дела, как я добрался, хорош ли отель, который она забронировала для меня из Парижа, и какая погода в Риме. Я не ответил на вызов.

Уже несколько дней я мечтал о том, когда настанет этот миг. Когда я обрету свободу и покой под майским небом Италии, подальше от докучливых обязательств, от жизни напоказ, от напряжения последних дней. Когда ни о чем не буду заботиться, разве что разыгрывать красивые партии со случайными прохожими. И общаться только на универсальном языке игры, простом и мудром и честном.

Ну вот он и настал, этот миг.

Не в силах скрыть улыбку, я приступил к сицилианской защите.

Итак, пешка на с5.

Несколько зевак замедлили шаг и остановились посмотреть на игру. Некоторые шепотом стали комментировать позицию, приставив ладонь к уху соседа. Время от времени я поднимал глаза и поглядывал на них, впрочем, без особого внимания. Напротив нашего стола торговец овощами и фруктами, уставившись на нас, беззлобно и насмешливо рассуждал вслух о тех, кому посчастливилось родиться с мозгами, и тех, вроде него, вынужден обходиться без них.

Мой соперник оказался недурен. Теоретические познания позволили ему достойно завершить дебют, несмотря на то, что он немного перебрал время. Правда, он слишком рано стал давить на мой королевский фланг, и это могло обернуться для него довольно деликатной ситуацией в середине партии.

Коротышка хозяин с полотенцем на плече тоже подошел к нам и остановился рядом, уперев руки в бока.

— Ну, что тут у нас? — брякнул он наобум, не уточняя, что именно имеет в виду.

Я улыбнулся ему, но не ответил.

— Тут, как говорится, головой соображать надо, — сообщил он, постучав себя по виску.

Из глубины ресторана донесся женский голос:

— Луиджи! — И спустя еще секунду: — Луиджи!
Хозяин скривился:

— Ни минуты покоя, пропади все пропадом! —
проворчал он.

— Вперед, за работу, Луиджи! — смеясь, прокричал
торговец фруктами. — Это как в шахматах: королева
правит бал.

Послышались негромкие смешки.

Я укрепил позиции и без труда выстроил контр-
игру на центральных вертикалях. Моему противни-
ку пришлось разменять свою ладью на моего слона,
и его пешечная структура ослабла. Позиция посы-
палась. Сделав несколько отчаянных ходов, он встал
и протянул мне руку в знак того, что признает по-
ражение.

Я предложил ему партию-реванш.

— С удовольствием, — согласился мужчина. —
Только мне кажется, что вы без труда со мной спра-
витесь.

Мы немного поболтали, пока расставляли фигу-
ры. Он спросил меня, откуда я.

— Из Франции, — сообщил я, — из Парижа.

— Понятно, — произнес он, — однако вы хорошо
говорите по-итальянски. Для француза это редкость.
И часто вы к нам приезжаете?

— Да, довольно часто. Правда, не в Рим. Я здесь впервые. Чаше бываю на севере. В Болонье, иногда в Бергамо. И в Турине, конечно. В Болонье бываю часто. Точнее, неподалеку от нее, в Кастелло-ди-Серравалле, вам знакомо это место?

— Да, разумеется, — ответил мужчина. — Там повсюду холмы. Очень красиво. Заметьте, холмы у нас здесь тоже имеются. А шахматы? — поинтересовался он.

— С ними все как-то само собой получилось. Что-то вроде истории любви, не отпускаящей меня три года, ни днем ни ночью. Она благополучно завершилась. Мы остались друзьями.

— Что ж, это совсем неплохо, — улыбнувшись, заметил мужчина.

Он немного рассказал о своем дяде, научившем его играть в шахматы еще в детстве. И о своей победе в школьном турнире.

— Не хотите чего-нибудь выпить? — предложил он.

Мы заказали два кофе ристретто и начали новую партию. По взаимному согласию установили часы. Пятнадцать минут для него, пять — для меня.

На площади все больше чувствовалось оживление. Куда-то спешили люди, толпа негромко гудела, сту-

чали каблуки по мостовой. Некоторые недотепы задевали столик, доска качалась, и несколько раз нам приходилось ловить ее обеими руками, чтобы она не опрокинулась.

Между тем до меня лишь смутно долетали обрывки разговоров, отдельные возгласы, шум машин, кативших по соседним улицам. Стенки пузыря, окружавшего меня во время игры, были непроницаемы для звуков и создавали приятное ощущение, нечто среднее между одиночеством и отстраненностью от окружающего мира.

Мои пальцы спокойно и проворно переставляли самшитовые фигуры по полю, над которым теперь простиралась тень от развернутого над террасой навеса.

— Ай! — воскликнул мой противник. — Я снова влип.

Один из зрителей, пожелавший прийти к нему на помощь, посоветовал пойти конем на сз.

Я молча показал, как после этого поставлю ему мат в два хода.

— Значит, я продул, — признался мой противник и снова, секунду поразмыслив, протянул мне руку.

Я быстро расставил фигуры, вернув их в ту позицию, которая сложилась за несколько ходов до этого.

Передвинув его пешку на d7, я попытался объяснить ему его промах.

Он несколько раз кивнул, поджав губы.

Потом встал и поблагодарил меня. И добавил, что сыграл бы еще разок в один из ближайших дней, если я еще не уеду.

Едва только стул освободился, как зритель, предлагавший сделать роковой ход конем на с3, положил ладонь на доску.

— Можно? — спросил он.

— Конечно.